

И. В. Цуканова

Гностицизм как форма одержимости чистотой: опыт этимологического анализа

В работе делается попытка филологического проникновения в проблематику гностицизма, одного из самых мистических течений религиозно-философской мысли в истории человечества, сделавшего антигуманизм собственным знаменем и агрессивно настроенного к физической реальности как таковой. Автор анализирует категориальный аппарат древних и новых гностиков, аксиологическим центром которого является понятие чистоты, взятой в онтологическом и гносеологическом измерениях. Была выявлена тенденция к информационному и знанию апотропеизму в рамках гностической доктринальности как стремление к упразднению неопределенности, наносящей вред индивидуальному и коллективному сознанию.

Ключевые слова: гнозис, гностицизм, чистота, грязь, единство, множественность, ясность, неопределенность, недостача, избыточность.

Для цитирования: Цуканова И. В. Гностицизм как форма одержимости чистотой: опыт этимологического анализа // Art Logos (искусство слова). – 2023. – № 2. – С. 194–203. DOI 10.35231/25419803_2023_2_194

*Грязь есть материя,
лежащая не на своем месте...*

Естественная языковая операциональность почти всегда позволяет лингвопользователю различным семантическим образом выражать и трактовать употребляемые в речи лексемы. Данный неоспоримый факт значительно расширяет узус понимания любого коммуникативного послания, в пределе – до состояния познавательно-энтропийной неопределенности. Именно исторически сложившаяся гибкость

языка, по сути, бездонный вербальный тезаурус, состоящий из множества мельчайших смысловых оттенков, закрепляемых в речевом обиходе, с одной стороны, несомненно, вносит разнообразие во взаимодействие между общающимися субъектами, с другой же, – как это парадоксально ни прозвучит, стопорит адекватное постижение мироздания. Как феномен язык одновременно является и инструментом уточнения = прояснения транслируемых интенциональных форм и, наоборот, идеальным средством «разжижения-размывания», а, следовательно, сокрытия и вуалирования элементов подлинности. Данная статья посвящена этимологическому анализу важнейшей рабочей категории гностицизма как одного из самых мощных негативирующих мировоззрений всей человеческой культуры. Гностицизм получил импульс своего распространения в I–III вв. на Ближнем Востоке и в Северной Африке в среде принципиальных критиков христианства, отстаивавших право ненавидеть наличную действительность. Разбору будет подвергнута категория чистоты в ее антимичной связке с концептом «грязь», на противопоставлении которых латентно сосредоточены почти все известные деноминации гностиков, включая их современных нео- и эрзац-последователей. Семантическая неоднозначность указанной бинарной пары создает эвристические трудности для исследователя, занятого установлением истинной роли т.н. «лжеименного знания» [11] в развитии человеческой цивилизации. Попытаться снять данную неопределенность – задача автора в рамках представленной статьи.

Уже первые гностики были настолько аффектированы жаждой чистоты, что в ее поисках заходили достаточно далеко, чтобы вызвать к себе законное подозрение в любви к свинству. Самые экстремальные и гнусные виды нравственной и телесной грязи инверсивно воспринимались теми же карпократами [12] как своего рода моющее средство, избавляющее душу от пятен, оставленных на ней якобы изначально уродливым миром, или недобытием, сотворенным, согласно их учению, самозванным божеством-демиургом. Клин в этой логике словно вышибается клином, предоставляя возможность свету и тьме, норме и патологии произвольно меняться местами и статусами. Тем самым порождалась псевдосотериология

Ничто, декларирующая спасительность смерти. Наравне с этим обнаруживается и другой интересный аспект апотропеической миссии, возложенной на себя отцами-основателями гнозиса, такими как Валентин или Василид [7, с. 115–116], давших развернутые системы собственных умозаключений. Их витиеватость и утонченность доходила подчас до полной невразумительности, поскольку обставлялась несметным количеством отвлекающих подробностей. Однако именно этот нюанс, как и любое стандартное «горе от ума», отсылает нас к парадоксальной ситуации проклятия знаний, когда за искреннюю попытку добиться ясности (аналога чистоты) приходится расплачиваться ментальным и концептуальным бардаком (аналогом грязи). В умственной неразберихе поздней античности гностицизм, как представляется, попытался навести идеальный порядок, спекулятивно расставив уймы гипотетических эонов по своим местам [4, с. 68], но закономерно потерпел крах в силу пренебрежения диалектикой, убеждающей нас в верности правила «во что смотришься, в то и обращаешься».

Думается, что специфическая идея фикс гностицизма – во всем и везде находить следы загрязнения окружающей обстановки – может иметь и более оригинальное прочтение, чем, скажем, идентификация ее с явной психической девиацией или агрессивно-разрушительным политическим трендом. Есть в этой проблеме и нечто от витгенштейновской языковой эквилибристики, восстающей против твердыни метаязыка [1].

Прежде всего, следует констатировать, что типовое представление о грязи обычно вызывает у нас не совсем приятные ассоциации с отклоняющимися от нормы явлениями, выражающими недостаточность: уродство, порча, порок, грех, тление, ущерб, гниение, сор, кал, скверна, мерзость. Грязь как бы призвана заслонить собой некую первозаданную полноту, красоту и невинность, предельно исказив их отчетливые черты. Задача нечистоты – унижить чье-то благородное достоинство, отпугнуть от него наблюдателя своим деформированным видом. Но и загроздить, заляпать, затенить, запятнать сущностные характеристики, навести хаос, беспорядок, обратить некое цельное и структурированное единство в дезорганизованное и недифференцированное множество, отвратительный

хлам. И в этой своей роли эффективного дезонтологизирующего средства грязь успешно смыкается с темой феноменологической избыточности, способной похоронить под спудом множественных факультативных деталей истинное соотношение вещей в каком-то вопросе, то есть саму суть. Может быть встреча с грязью нам всегда неприятна именно в силу заложенного в нее потенциала лжи, извращающей нашу сцепку с реальностью как по линии «недо-», так и в аспекте «пере-»? Грязь мимикрирует, гримируя объект, на который направлено исследовательское внимание – до неузнаваемости, что естественно вызывает гностическую тревогу или отвращение. Ставший афоризмом внешне шуточный тезис «Не узнаю вас в гриме» – это, в общем-то, не о смехе, а, скорее, о страхе, который возникает на почве недоразумения: мы можем думать о ком-то, что перед нами Белоснежка, а ну как на самом деле это замаскированный крокодил? Таким образом, с концептом «грязь» прочно аффилирован концепт «знаний», поскольку знания делают Чужое Своим, тогда как грязь, наоборот, способна Свое превращать в Чужое. Сделаем промежуточный вывод: грязь наравне со знаниями обладает свойством превратности, метаморфичности. Видимо, гностики отрефлексировали этот момент первыми. У Корнея Чуковского в «Мойдодыре» содержится строчка, которая своею тавтологичностью способна кого угодно травмировать и ввести в ступор: «Ты один не умывался и грязнулею остался». Автор не объясняет, – что из того, что некий имярек не дружит с умывальником? Ну, остался и остался кто-то грязнулей, в чем трагедия-то? Поэтому попытаемся додумать данный кейс самостоятельно. Грязнуля – не тот ли это субъект, который выдает одно за другое, представляется тем, кем на самом деле не является, по аналогии с шарлатаном, ряженым, шпионом, чей функционал – в разъедании устойчивости универсального и незыблемого Бытия изнутри? Грязь – это мощный репрезентант пустоты, источник ничевочества, как выразились бы, наверное, поэты-авангардисты. Теперь посмотрим, насколько соответствует данное предположение результатам этимологического анализа.

Как оказалось, словари позволяют свободно сопрягать семантические значения понятия грязи и понятия зла. Соглас-

но Г. А. Крылову, слово грязь образовано от той же основы, что и древнерусский глагол грязьти – «тонуть, вязнуть, погружаться». Первоначальное значение существительного грязь – «топь, болото». Это слово родственно существительному груз [15, с. 103], не исключено, что отсюда же происходит и слово грёзы. И то, и другое, и третье, будучи обремененными тяжелой компонентной базой, функционально противоположны легкости, давят и тянут к низу, заставляют опускаться на самое дно [14, с. 225].

Родословная же зла как отдельной вербальной единицы скорее всего стартует со старославянского зъло = весьма много, о чем свидетельствуют изыскания М. Фасмера [13, с. 99]. Синонимически с этим словом связаны наречия чересчур, чрезмерно, чрезвычайно, изрядно, крайне, гораздо, излишне. А из последнего вытекает понятие лиха, лихвы, обратно закольцовывая данный широкий герменевтический круг на патологичности всякого безмерного количественного континуума. Избыток чего бы то ни было априори становится злом, в котором тонешь и грязнешь, словно в трясине, теряя ориентацию и витальную энергию, а, следовательно, соприкасаясь со смертью как ипостасью инерции и энтропии. Стоит учитывать, что подобные отвлеченные абстракции могут иметь вполне конкретные опасные последствия в живой жизни. Как пример в политике – навязанная Хрущевым социуму либеральная стратагема оттепели, породившая раскисшую новостную грязь бесконечных подробностей «нехорошего» тоталитарного дискурса со сменяемыми друг друга судами и пересудами, ловлей мимолетных состояний обиды советским человеком в адрес собственного прошлого в оппозиции общему движению вперед. Утопание в грязных подробностях сталинизма, продолжившееся в эпоху горбачевской перестройки как оттепели номер два, в конце концов, привело к экзистенциальному угасанию страны [5, с. 507].

Возвращаясь к раннему гностицизму, необходимо сказать, что его одержимость чистотой, являющаяся, на наш взгляд, до сих пор не достаточно отрефлексированным парадигмальным ядром гнозиса, стала стимулом к формированию очень влиятельной деструктивной традиции видеть мир в оптике отторжения и скептического недоверия на почве того информационного всплеска, который случился в эпоху

эллинизма. Неспособность переработать гигантские по тем меркам объемы новых эклектичных знаний рождала различные по степени ригоризма планы очищения мироздания от «зла излишков» – ультралевые гностики грезили холодно-костом принудительной ликвидации всего и вся, умеренные же мечтали произвести «всего лишь» генеральную уборку не устраивавшей их онтологической конструкции [16, р. 147]. Но для подобного рода уборки требовалось изобрести некую упрощенную схему Бытия, облегчающую понимание повседневности. Такой удобной схемой могла стать концептуальная трехчленка Плерома – Предел – Кенома [4, с. 188–189], однако в работах теоретиков гностицизма и она постепенно обросла калейдоскопом громоздких данных, снижающих возможности понимания выдвинутой модели. Подобное повторилось уже на новом витке исторического развития, когда в средневековой Европе резко усложнилась догматическая сторона католического вероучения и вновь потребовался информационно-мировоззренческий аудит системы знаний, который предприняли еретики катары (с греч. καθαρός – чистый), в общих чертах реанимировавшие гностическое «клининговое» учение [6].

Отметим, что тяга к детализации сегодня превращается в своего рода веление времени и даже особую методологию функционирования массового сознания, существующего в гипнотическом симбиозе со средствами массовой информации («все расщепляю – ergo sum», если перефразировать знаменитую максиму Декарта [3, с. 269]). Эта детализация проявляет себя, например, в стремлении пользователя социальных сетей комментировать любой месседж, запущенный в медиасреду до самых микроскопических фракций, до математического нуля, после которого говорить уже, собственно, становится не о чем. Или же в дроблении контента телепередач на рассеивающие внимание аудитории элементы яркой инфографики. Информация в обществе третьей волны, если пользоваться идеей И. А. Гобозова, давно уже циркулирует в формате постзнания [2], отринув мудрость мудрых, без которой человечество никогда не выберется из грязи призрачности. Имеется в виду наступившее торжество посредственности («медиаократии» [2, с. 42]), приветствующей

щей фатальное «онастоящивание» людского рода через отказ от генерализации текучих фактов и поиска вечно сущего в пользу непринужденной игры перманентно приходящими и уходящими сведениями.

В современном мире впору вслед за Платоном сокрушаться о том, что не осталось героя-мыслителя, способного вывести толпу хомо сапиенсов из абсорбирующего дух пространства аттракциона теней (его миф о пещере [10, с. 295]). Став рабами очевидности и презентизма, мы утрачиваем навык проникновения в глубину вещей. Показательно, что у подобной тупиково-разложенческой методологии детализации есть достаточно высокочтимые покровители в сфере элитной философии в лице, например, разработчиков акторно-сетевой теории (АСТ) Бруно Латура и Джона Ло. Они, в частности, рекомендуют своим приверженцам опираться в постижении мира не на окончательные аксиомы, выведенные классической наукой, а на мириады нестабильных и зыбких акторов, прячущихся то в неких непроницаемо-черных ящиках [8, с. 25], а то в дремучем и загадочном хинтерланде [9, с. 323–327]. Оба теоретика даже чисто стилистически страдают навязчивой и неэффективной тягой к нудным беспорядочным уточнениям и эмпирическим перечислениям в ущерб установке на умопостигаемую фиксацию главного, игнорируя тот факт, что целое в итоге всегда оказывается больше тривиальной суммы частей, из которой оно состоит. Думается, что именно в искусственно корректируемой логике АСТ на современном этапе в индустриальных масштабах производится ускользящая продукция массмедиа, формирующая все менее отчетливую и стройную повестку. Поэтому выбраться за пределы доминирующего дискурса, выраженного формулой «больше информации – меньше смысла», становится все сложнее.

Список литературы

1. Витгенштейн Л. Философские исследования // Витгенштейн Л. Философские работы. Часть I. – М.: Гнозис, 1994. – С. 75–320.
2. Гобозов И. А. Постмодернизм – эпоха медиократов // Вопросы философии. – 2015. – № 12. – С. 41–54.
3. Декарт Р. Рассуждения о методе, чтобы верно направлять свой разум и отыскивать истину в науках // Декарт Рене. Сочинения в двух томах. – М.: Мысль, 1989. – Том 1. – С. 250–296.

4. Йонас Г. Гностицизм (Гностическая религия). – СПб.: Лань, 1998. – 384 с.
5. Кара-Мурза С. Г. Манипуляция сознанием. – М.: ЭКСМО-Пресс, 2001. – 832 с.
6. Карсавин Л. Очерки средневековой религиозности // История ересей. – М.: АСТ; ЛЮКС, 2004. – С. 9–266.
7. Кулиану Й. Древо гнозиса: гностическая мифология от раннего христианства до современного нигилизма. – М.: Касталия, 2019. – 314 с.
8. Латур Б. Наука в действии: следуя за учеными и инженерами внутри общества. – СПб.: Издательство Европейского университета в Санкт-Петербурге, 2013. – 414 с.
9. Ло Д. После метода: беспорядок и социальная наука. – М.: Изд-во Института Гайдара, 2015. – 352 с.
10. Платон. Государство // Платон. Собрание сочинений в 4 т. – М.: Мысль, 1994. – Том 3. – С. 79–420.
11. Поснов М. Э. До-христианский гностицизм // Гностики или о «лжеименном знании». – Киев: УЦИММ-ПРЕСС – ИСА, 1996. – С. 125–170.
12. Творения Святого Епифания Кипрского. Часть первая // Творения Святых Отцов в русском переводе. – М.: Типография В. Готье, 1863. – Том 42. – 386 с.
13. Фасмер М. Этимологический словарь русского языка. В 4 томах. – М.: Прогресс, 1986. – Том II. – 672 с.
14. Черных П. Я. Историко-этимологический словарь современного русского языка: В 2 т. – М.: Русский язык, 1999. – Т. 1. – 623 с.
15. Этимологический онлайн-словарь русского языка / сост. Крылов Г. А. – СПб.: Полиграфуслуги, 2005. – 432 с.
16. Voegelin Eric. The New Science of Politics. – Chicago: The University of Chicago Press, 1952. – 191 p.

Irina V. Tsukanova

Gnosticism as a Form of Obsession with Purity: Etymological Analysis Experience

The work attempts to philological penetration into the problems of Gnosticism, one of the most mystical movements of religious and philosophical thought in the history of mankind, which made anti-humanism its own banner and aggressively attuned to physical reality as such. The author analyzes the categorical apparatus of ancient and new gnostics, the axiological center of which is the concept of purity, taken in ontological and gnoseological measurements. A tendency towards informational and knowledgeable apotropeism was revealed within the framework of gnostic doctrinality as a desire to abolish uncertainty that harms individual and collective consciousness.

Key words: gnosis, gnosticism, purity, dirt, unity, multiplicity, clarity, uncertainty, shortage, redundancy.

For citation: Tsukanova, I. V. (2023) Gnosticizm kak forma oderzhimosti chistotoj: opyt etimologicheskogo analiza [Gnosticism as a form of obsession with purity: etymological analysis experience]. *Art Logos – The Art of Word*. No. 2. Pp. 194–203. (In Russian). DOI 10.35231/25419803_2023_2_194

References

1. Vitgenshtejn, L. (1994) *Filosofskie issledovaniya* [Philosophical research] *Vitgenshtejn L. Filosofskie raboty. CHast' I.* [Wittgenstein L. Philosophical works. Part I.] Moscow: Gnozis Publ. Pp. 75–320. (In Russian).
2. Gobozov, I. A. (2015) *Postmodernizm – epoha mediokratov* [Postmodernism is the era of mediocrats] *Voprosy filosofii – Questions of Philosophy*. No. 12. Pp. 41–54. (In Russian).
3. Dekart, R. (1989) *Rassuzhdeniya o metode, chtoby verno napravlyat' svoj razum i otyskivat' istinu v naukah* [Reasoning about the method to correctly direct your mind and find the truth in the sciences] *Dekart Rene. Sochineniya v dvuh tomah* [Rene Descartes. Works in two volumes]. Moscow: Mysl' Publ. Vol. 1. Pp. 250–296. (In Russian).
4. Jonas, G. (1998) *Gnosticizm (Gnosticheskaya religiya)* [Gnosticism (Gnostic religion)]. St. Petersburg: Lan' Publ. (In Russian).
5. Kara-Murza, S. G. (2001) *Manipulyaciya soznaniem* [Manipulation of consciousness]. Moscow: EKSMO–Press. (In Russian).
6. Karsavin, L. (2004) *Ocherki srednevekovoj religioznosti* [Essays on medieval religiosity] *Istoriya eresej* [History of heresies]. Moscow: AST; LYUKS Publ. Pp. 9–266. (In Russian).
7. Kulianu, J. (2019). *Drevo gnozisa: gnosticheskaya mifologiya ot rannego hristianstva do sovremennogo nigilizma* [The Tree of Gnosis: Gnostic Mythology from Early Christianity to Modern Nihilism]. Moscow: Kastaliya Publ. (In Russian).
8. Latur, B. (2013) *Nauka v dejstvii: sleduya za uchenymi i inzhenerami vnutri obshchestva* [Science in action: following scientists and engineers within society]. St. Petersburg: Izdatel'stvo Evropejskogo universiteta v Sankt-Peterburge. (In Russian).
9. Lo, Dzhon (2015). *Posle metoda: besporyadok i social'naya nauka* [After Method: Disorder and Social Science]. Moscow: Izd-vo Instituta Gajdara. (In Russian).
10. Platon (1994) *Gosudarstvo* [State] *Platon. Sobranie sochinenij v 4 t.* [Plato. Collected works in 4 vols.]. Moscow: Mysl' Publ. Vol. 3. Pp. 79–420. (In Russian).
11. Posnov, M. E. (1996) *Do-hristianskij gnosticizm* [Pre-Christian Gnosticism] *Gnostiki ili o «lzheimennom znanii»* [Gnostics or about “false-named knowledge”]. Kiev: UCIMM-PRESS – ISA Publ. Pp. 125–170. (In Russian).
12. *Tvoreniya Svjatogo Epifaniya Kiprskogo* (1863) *Tvoreniya Svjatyh Otcov v russkom perevode. Tom sorok vtoroj. CHast' pervaya* [Epiphanius of Cyprus. Creations of the Holy Fathers in Russian translation. Vol. 42. Part I]. Moscow: Tipografiya V. Got'e. (In Russian).

13. Fasmer, M. (1986) *Etimologicheskij slovar' russkogo yazyka. V 4 tomah* [Etymological dictionary of the Russian language. In four volumes]. Moscow: Progress Publ. Vol. II. (In Russian).

14. CHernyh, P. Ya. (1999) *Istoriko-etimologicheskij slovar' sovremennogo russkogo yazyka: V 2 t.* [Historical and etymological dictionary of the modern Russian language: In 2 vols.] Moscow: Russkij yazyk Publ. Vol. 1. (In Russian).

15. Krylov, G. A. (2005) *Etimologicheskij slovar' russkogo yazyka.* St. Petersburg: Poligrafuslugi Publ. (In Russian).

16. Voegelin, E. (1952) *The New Science of Politics.* Chicago: The University of Chicago Press.

дата получения: 23.03.2023 г.
дата принятия: 09.04.2023 г.
дата публикации: 30.06.2023 г.

date of receiving: 23 March 2023
date of acceptance: 09 April 2023
date of publication: 30 June 2023